

ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК

Р. П. Сипок

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ

Аннотация. Целью данной статьи является раскрытие основных проблем применения уголовного закона, который имеет различные пробелы и недостатки, не позволяют ему достаточно эффективно применять уголовное законодательство для достижения поставленной цели по снижению уровня преступности в современном обществе. Предметом исследования данной статьи являются взаимоотношения власти и общества в сфере соблюдения правовых норм и обеспечения государственной безопасности и правового порядка.

Основная ценность данной статьи заключается в том, что в ней автор полностью обосновал необходимость внедрения в отечественную практику предварительной правовой экспертизы законопроектов, поскольку эффективность норм уголовного закона во многом зависит от их предварительной оценки, для чего, по мнению автора, необходимо законодательно закрепить институт правовой экспертизы законов в качестве обязательного элемента законотворческого процесса.

Так же автором статьи предлагается внедрение практики планирования и прогнозирования существующего российского законодательства.

Основным выводом данной статьи является утверждение автора о том, что научная разработка правовых проблем, способствующих повышению устойчивости законодательного акта, должна стать одной из первостепенных задач правовой науки в современном российском государстве.

Ключевые слова: юриспруденция, преступность, безопасность, защита, норма, закон, правосознание, государство, наказание, посягательство.

С юридической точки зрения эффективность уголовного закона понимается как соответствие поведения субъектов правоотношения требованиям, закрепленным в нормах соответствующего свода законов. В контексте *социальной* эффективности, простого исполнения требований норм уголовного закона, видимо, недостаточно. Здесь должно быть осмысление по-настоящему глубинных процессов правового регулирования, в том числе, решения социальных задач, находящихся за пределами непосредственной сферы правового регулирования. В данном случае это фоновые явления по отношению к фактам непосредственного нарушения требований уголовного закона (соотношение криминальных процессов с фактами совершения конкретных преступлений).

Вместе с тем, отечественная уголовно-правовая доктрина долгое время базировалась на достаточно поверхностном представлении о механизме непосредственного воздействия норм уголовного закона на адресатов этого воздействия (субъектов преступлений)¹. По

сути, она была «отгорожена» от статистической и иной информации о реальных процессах, происходящих в сфере борьбы с преступностью, и довольствовалась формально-логическим толкованием текста закона².

В свое время М.Д. Шаргородский попытался проанализировать возможность выделения самостоятельного эффекта уголовного наказания для определения его эффективности. Он пишет: «Для этого требовалось бы выделить из общего очень сложного в этом случае процесса взаимодействия только наказание как действие и динамику преступности или рецидива как его последствия, однако такое исследование нам не представляется ни теоретически, ни практически возможным...»³. И далее исследователь поясняет, почему такая операция невозможна: «это не будет показательным, так как в сравниваемые периоды действуют, кроме системы на-

листическом обществе. – М., 1966. С. 34.

² Гришанин П.Ф. Механизм уголовно-правовой борьбы с преступностью // Труды Академии МВД РФ, 1997.

³ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л., 1973. С. 69.

¹Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социа-

казаний, другие и притом значительно более мощные, детерминирующие преступность обстоятельства...»⁴.

Означает ли это, что проблема «чистого» действия уголовного закона полностью лишена смысла? По-видимому, нет. Вместе с тем, имеются несомненные трудности соотнесения цели, заявленной законодателем, и результата. Иллюстрацией сказанному, например, является то, что данное соотношение в качестве показателя эффективности почти не используется, поскольку показатель цели уже присутствует в скрытом виде в показателе результата. Результат в том смысле, в котором он подвергается анализу в большинстве исследований, может пониматься лишь как осуществленная в некоторой части цель. В противном случае, он просто отсутствует и не может получить количественную оценку. Поэтому предложения оценивать эффективность уголовного закона по отношению результата к заключенной в уголовно-правовой норме цели либо не реализуются полностью, либо сводятся к оценке какого-либо одного из возможных его действия⁵.

Здесь же следует обратить внимание на то, что определять эффективность по отношению между результатом и целью проблематично не только потому, что у отдельной нормы редко имеется особая цель, но еще и потому, что полный результат действия этой нормы на момент исследования никогда не известен.

Кроме отмеченного, исключение из процесса определения эффективности правовых норм всех моментов, характеризующих механизм их действия, специальное выделение условий, которые только способствуют или препятствуют достижению целей правового предписания, также оказывается трудно осуществимым⁶.

Показатель эффективности в качестве количественной характеристики степени соответствия реальных отношений типовой мере, содержащейся в конкретной норме, должен включать следующие необходимые моменты: а) степень фактического признания (реализации) конкретными социальными субъектами той особенной формы типовой меры, которая нашла свое отражение в нормативном акте; б) показатель положения данных конкретных социальных субъектов в общественной системе, характеризующий в интегрированной форме как фактические различия с другими субъектами, так и меру их фактического (не абстрактного) равенства.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 58.

⁶ Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии// Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. – М., 1961. С. 64.

Ни один из указанных аспектов в отдельности, несмотря на то, что в каждом из них правовая норма присутствует в том или ином качестве и до известных пределов определяет его, не может служить самостоятельным показателем эффективности.

Из представленных здесь теоретических положений вытекает, что показатель эффективности конкретной уголовно-правовой нормы, рассчитанный как некоторая средняя для всего общества величина, не представляет, по сути, особого практического и теоретического интереса. Сравнение показателей эффективности, а также анализ общественных процессов и тенденций, которые оказывают влияние на действенность закона, дают возможность предвидеть криминальные последствия такого влияния и планировать необходимые мероприятия противодействия преступности.

Среди социальных факторов, влияющих на эффективность действия норм уголовного закона, большое значение имеет относительно массовое и индивидуальное сознание, его содержание и уровень.

Оба упомянутых уровня сознания структурированы, в теоретическом смысле отдельные сегменты сознания могут включать нравственное и правовое осознание действительности.

Соответствующей проблеме уделяется значительное внимание как отечественными, так и зарубежными исследователями. Содержание правосознания раскрывается не только традиционными средствами юридической науки, но и с учетом методов и теоретических положений социологии и социальной психологии. Такого рода научные изыскания, при весьма положительной их динамике, обнаруживают неоднородность и многочисленные противоречия правового и нравственного сознания различных слоев населения. Исследователи не редко сталкиваются с различными дефектами сознания в виде «правовой инфантильности», «пробельности правосознания», «правового негативизма» и пр.

Эти эмпирические факты представляют большой интерес для уголовно-правовой и уголовно-политической науки, так как не только характеризуют специфику правосознания населения, но и свидетельствуют об уровне его криминальной зараженности.

По своему объему и качеству общественное сознание превосходит индивидуальное сознание. С другой стороны, общественное сознание, будучи родовым, не в состоянии охватить всех особенностей мышления, чувств, переживаний индивида. Оно включает в себя лишь то типичное, которое свойственно идеям и психике индивидов, составляющих общество.

В данном случае важен специальный аспект проблемы - зависимость эффективности закона от правосознания тех, к кому он обращен.

Говоря об эффективности уголовного права, А. М. Яковлев писал: «Парадокс» эффективности уголовного права заключается в том, что оно тем более социально эффективно, чем менее «уголовным» оно является»⁷. Применительно к нашему вопросу это означает, что чем больше значение нравственного содержания уголовного права, тем меньше значение неблагоприятных последствий для правонарушителя, которые и являются специфически «уголовным» методом воздействия.

Ни в одном обществе повинение уголовным законам не обеспечивается исключительно применением санкций, т.е. непосредственно силой. Соблюдение требований норм уголовного закона в значительной степени обусловлено тем, что содержание уголовно-правовых запретов совпадает с господствующими моральными представлениями. Это совпадение - в той мере, в какой оно имеет место, придает уголовному праву нравственную силу, ставит механизм нравственной мотивации, отличающийся особой действенностью, на службу существующему правопорядку. Чем шире моральная основа уголовного закона, тем выше - при прочих равных условиях - его эффективность.

Говоря о механизме взаимодействия правовой нормы и правосознания, необходимо лишний раз отметить, что их соответствие во многом определяет саму эффективность действия нормы. Чем выше уровень правосознания людей, тем больше уверенности, что норма права будет правильно ими воспринята и они будут действовать в соответствии с правовым предписанием.

Отсюда задача конкретно-социологических исследований характера и уровня правосознания того круга лиц, к которым обращены те или другие юридические нормы.

Постоянная смена уголовно-политических кампаний также вредно отражается на эффективности уголовных законов. Бесспорно прав А.М. Яковлев, когда пишет, что «законодатель, заботящийся о подлинной социальной эффективности уголовного законодательства, не может не чувствовать себя связанным с тем, что было изложено в предыдущем законе, не может не сознавать, что факт отмены или изменения закона оказывает определенное воздействие на общественное правосознание».

Обеспечение неотвратимости наказания - основа повышения эффективности норм уголовного права. Если преступление заведомо для общества является безнаказанным, то это приносит непоправимый вред эффективности не только данной, но и других норм уголовного права, ибо нарушается уважение к закону, подрывается

его авторитет и общее предупредительное воздействие. Неотвратимость наказания тесно связана с повышением качества работы органов юстиции, профессионального мастерства работников этих органов.

Один из парадоксов, характеризующих отечественное уголовное законодательство как инструмент, предназначенный для того, чтобы ограничивать распространность, например, корыстных преступлений, состоит в последовательном отказе от наказаний, адекватных природе этих преступлений⁸.

Вместе с тем, наказание либо угроза его применения далеко не единственные средства уголовно-правового воздействия. Благодаря ряду исследований, сегодня арсенал указанных средств дополнен не менее эффективными средствами, чем упомянутые. К ним, как известно, относятся, так называемые, стимулирующие и поощрительные нормы⁹. В частности, в п.п. «и» и «к» ст. 61 УК РФ обстоятельствами, смягчающими наказание, названы: явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления, добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему. Эти факторы, бесспорно, выступают в качестве правовых стимулов, ибо побуждают лиц, совершивших преступления, к уменьшению тяжести вредных последствий, способствованию органам правосудия в раскрытии преступлений и заглаживанию причиненного потерпевшему вреда. У обвиняемого тем самым появляется юридическая заинтересованность в улучшении своего правового положения, реальная надежда на снижение срока уголовного наказания.

Однако данные стимулирующие средства действуют пока недостаточно результативно, ибо отсутствует конкретная регламентация, определяющая обязанность суда смягчить наказание, конкретные юридические последствия для подобного рода обвиняемых и т.п. Ведь любой стимул (в том числе и правовой) оказывает наиболее действенное влияние на развитие правовой активности личности лишь тогда, когда он конкретно и четко выражен в законе.

На эффективность уголовного закона оказывает большое влияние фактор информированности адресатов о его содержании, в том числе и о санкциях. Существует

⁷ Яковлев А. М. Взаимодействие личности и общества в системе социального контроля//Социальная психология личности. – М., 1979. С. 164.

⁸ Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 132с.

⁹ АликперовХ. Д. Проблемы дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. – Баку, 1992. С. 60.

даже мнение, что правовые предписания не являются эффективными, если люди их не знают, хотя законодательство не считает оправданием ссылку на незнание закона. В какой-то степени данная мера обеспечивает, помимо прочего, и достижения целей принудительного расширения знания права¹⁰.

В настоящее время степень правовой информированности населения, различных социальных групп еще недостаточно высока. По данным приведенного исследования, знание населением уголовного права (по пятибалльной системе оценок) составляет 3,27, тогда как знание административного права - 3,5. Знание законодательства молодежью в возрасте до 18 лет оказалось еще ниже (2,56).

Отсутствие со стороны органов власти оперативности в реагировании на те или иные преступные проявления приводит к реагированию со стороны граждан на эти проявления, используя неправомерные меры. Здесь же следует обратить внимание на правонарушения, являющиеся специфическим результатом «теневого» управления.

В зависимости от того, в каком правовом акте они содержатся, можно выделить препятствия, содержащиеся в нормативных и правоприменительных актах. В качестве примера первого можно привести издание неправомерного законодательного акта, ущемляющего правовые возможности личности (необоснованно усложняющего порядок реализации прав и свобод, обязывающего предоставлять не предусмотренные законом справки, документы и т.п.).

Примером второго можно назвать «следственные тормоза». Когда говорится о том, что «включили следственные тормоза», «спустили дело на тормозах» и т.д., обычно подразумевается правоприменительный акт, незаконно и необоснованно застопоривший машину предварительного следствия, правосудия. В понятие «следственные тормоза» можно включить, в частности, отказ в регистрации преступлений и в возбуждении уголовного дела, несмотря на достаточные к тому основания, незаконные приостановления хода предварительного следствия, прекращения уголовных дел. В последние годы эти противоправные инструменты используются довольно широко, особенно работниками полиции.

Подобное состояние дел обязывает внимательнее взглянуть на «следственные тормоза», требует всестороннего изучения рассматриваемого понятия. В этой связи попытаемся подробнее охарактеризовать данную разновидность препятствия. Дело в том, что в целях упорядоченного воздействия на ход расследования

следователь вправе принимать правоприменительные акты, где могут устанавливаться в том числе и правовые ограничения. Последние, в частности, необходимы для того, чтобы воспрепятствовать действиям тех или иных лиц, преградить путь необоснованным и негативным тенденциям, приостановить или, наконец, прекратить уголовное дело. Так, статьи 5, 6, 61 и другие УПК РФ, регламентирующие прекращение уголовного дела в связи с различными обстоятельствами, ст. 113 («Отказ в возбуждении уголовного дела»), ст. 208 («Основания к прекращению уголовного дела») и т.п. служат в случае необходимости нормативно-правовой основой для правоприменительных актов, содержащих ограничения.

Однако данные процессуально-правовые ограничения могут при наличии определенных причин (нарушениях принципа разделения властей, выражающихся в «телефонном праве» и прочем давлении на работников правоохранительных органов; несовершенстве критериев оценки деятельности следователей, воплощающемся в процентомании; недостаточности условий для раскрытия преступлений, нехватке кадров, защите «чести мундира», коррумпированности, подкупа, взяток и т.д.) деформироваться и превратиться в дефектные, противозаконные ограничения, уже препятствия, «теневое» управление. Именно в этом случае речь идет о «следственных тормозах».

В специальной литературе уже неоднократно указывалось на важность того, чтобы неблагоприятные последствия от правовых ограничений были больше, чем возможная выгода, получаемая правонарушителем в результате неправомерных действий, что необходимо делать, разумеется, в оптимальных режимах. Об угрозе неблагоприятных последствий, сопряженной с наказанием, писал Г.Ф. Шершеневич. «Если у лица, подчиненного власти, сохраняется свобода действий, выбор между которыми определяется сильнейшим мотивом, то задача норм права состоит в том, чтобы оказать воздействие на волю этого лица, вызвать сильнейший мотив в пользу требуемого поведения. Государство, в своей правовой нормировке, стремится вызвать такой мотив угрозою невыгодных последствий в случае совершения действий, несогласных с его требованиями... Придется делать выбор между тем страданием, которое ожидается при отказе от удовольствия, соединенного в представлении с действием, запрещенным правом». Вместе с тем, если общепредупредительное воздействие не смогло сдержать лицо от совершения преступления, тогда вступает в силу само наказание данного лица уже в качестве специальной превенции. «Устрашение, – подчеркивал Г.Ф. Шершеневич, – достигается как общим предупреждением, содержащимся в уголовном

¹⁰ Подтурецкий А. Очерк социологии права. – М., 1974. С. 318-319.

законе, так и впечатлением от исполнения наказания в отношении тех, кого угроза не удержала».

В отношении же противоправных стимулов необходимо, чтобы благоприятные последствия от правовых стимулов (причем необязательно только материального характера) были больше, чем возможная выгода правонарушителя. Тем самым дезактивируются противозаконные стимулы у потенциальных правонарушителей. Пока же действующее законодательство (и, главным образом, – в сфере экономики) не соответствует предъявляемым требованиям законопослушного поведения.

Социальная ценность (как причина) и условия эффективности правовых стимулов и правовых ограничений определяют рубежи – меру, за пределами которой эффективность превращается в свою противоположность – дефектность. Мера, следовательно, выступает определенным критерием, отграничивающим первое от второго. О значимости «меры» писали еще древние философы (Солон, Клеобул, Фалес, Демокрит, Аристотель и др.), подчеркивая, что вещь, перейдя определенные границы, превращается в свою противоположность. Такой переход может совершаться в тех случаях, когда нарушается мера, когда допускается преувеличение и абсолютизирование какого-либо явления или одной из его сторон, которая доводится «до крайности», когда либо игнорируется вторая необходимая сторона явления, либо – необходимые для его развития условия. В таких случаях полезные замыслы могут превратиться во вредные, положительные – в отрицательные и т.п.

Нечто подобное происходит и с правовым ограничением. В частности, при нарушении меры наказания – расширении и ужесточении их без необходимых условий – можно получить противоположные результаты.

Все отмеченное указывает на то, что вопрос об эффективности правовых стимулов и правовых ограничений должен решаться индивидуально, в каждом конкретном случае, в связи с определенной ситуацией, местом и временем.

Многолетний опыт борьбы с преступностью, приобретенный как у нас в стране, так и за рубежом, предостерегает против нежелательных крайностей – как избыточности ограничений, так и недостатка правовых стимулов. Для каждого исторического этапа уголовной политики объективно существует некий, по справедливому мнению Г.В. Мальцева, праворегуляционный оптимум. Выясняя пределы данного оптимума (меры), законодатель определяет границы правового стимулирования и правового ограничения, что позволяет, во-первых, избрать наиболее рациональное соотношение использования правовых стимулов и правовых ограничений; во-вторых, не распространять сферу действия правовых стимулов и правовых ограничений

на такие поступки, регулировать которые право не в состоянии.

Следует также обратить внимание на то, что от качества того или иного правового стимула и правового ограничения зависит число лиц, реализующих свои интересы в установленных границах правового поля. Для того, чтобы правовые стимулы и правовые ограничения были эффективными, правотворческий орган должен постоянно модифицировать их систему с учетом изменений различных факторов (в первую очередь – экономических и социальных). Важно законодателю учитывать и «временной износ» соответствующих юридических инструментов.

И наконец, эффективность уголовного закона обуславливается реализацией принципа *стабильности* закона. В данном случае стабильность закона (от *лат.* устойчивый, неизменный) – означает устойчивость, прочность, неизменность, длительное сохранение определенного состояния или уровня.

Представляется, что указанный термин передает смысл состояния нормативного правового акта, характеризующийся социальной обусловленностью и, следовательно, устойчивой эффективностью регулирования общественных отношений, проявляющийся в достаточном либо удовлетворительном решении стоявших при разработке закона задач; отсутствием противоречий, могущих привести к отмене или частичному изменению акта; совокупностью существенных свойств, отражающих достаточные качества закона, обуславливающие его способность удовлетворять потребности и интересы общества, его граждан, а именно – высоким качеством, уровнем техники разработки и языка закона, и др.

К числу наиболее существенных свойств (признаков, характеризующих стабильность закона, и факторов, оказывающих на нее влияние) можно отнести свойства, отражающие: *во-первых*, стабильность закона как явления; *во-вторых*, уровень совершенства закона, его стабильность; *в-третьих*, результаты реализации закона, обеспечивающие его стабильность.

Из числа перечисленных свойств уголовного закона, наибольший интерес в контексте проблемы эффективности представляют свойства, отражающие уровень совершенства закона, его стабильность. Среди них:

а) *социальная обоснованность*, т.е. соответствие закона реальным условиям жизни. Закон должен точно отражать действительность, быть адекватным регулируемым общественным отношениям, учитывать назревшие потребности, интересы общества, а также прогрессивные тенденции социально-экономического, политического, культурного развития страны. Противоречие закона интересам и потребностям большинства населения или его значительной части приводит к массовым нарушениям

правовых предписаний, сопротивлению закону, что в конечном итоге будет требовать его изменения;

- *научная обоснованность* закона (учет в нем научных достижений, его спланированность и спрогнозированность);
- *нравственность* закона, означает, что он должен соответствовать нормам общественной морали, отражать идеи и состояние справедливости и равенства, свободы и ответственности, общественной и личной безопасности, гуманизма и т.п.;
- *ресурсообеспеченность* закона, означающая, что постоянство, действенность закона будут в том случае, если учтены реальные возможности его обеспечения материальными, финансовыми, информационными, организационными, идеологическими, людскими и другими ресурсами;
- б) *юридико-научные свойства*:
- *фундаментальность* закона, обозначающая степень правовой регламентации, выражающую урегулированность наиболее важных, базовых, основополагающих общественных отношений, основной достаточный их круг;
- *системность* закона, выражающая его внутреннюю согласованность (непротиворечивость содержащихся в нем нормативных правовых предписаний) и внешнюю согласованность (тесное взаимодействие его с другими законами и подзаконными нормативными правовыми актами, непротиворечивость, отсутствие пробелов и других погрешностей);
- *технико-юридическая обеспеченность* закона, означающая использование в нем законодательной техники (соответствующих правил, приемов и способов) и обеспеченность правоприменительной техникой.

Оценить степень стабильности уголовного закона можно с помощью следующего ряда показателей:

- а) мера отражения в законе конституционных принципов;
- б) соответствие принципам и нормам международного права;
- в) степень правовой регламентации базовых общественных отношений;
- г) адекватность отражения ценностей, потребностей и интересов;
- д) соответствие решаемым задачам экономического, социального, политического развития;
- е) уровень качества текстов законов (вид языка закона);
- ж) отсутствие противоречий с другими законодательными актами;
- з) эффективность действия закона, его реализация (исполняемость, применяемость) и др.

Нормы уголовного закона, не соответствующие указанным положениям, заведомо рассчитаны на короткий срок действия.

Итак, законы должны быть стабильными, чтобы они могли твердо проводиться в жизнь. Вместе с тем, по мере развития, изменения общественных отношений законодательство должно своевременно обновляться, так как время от времени возникает насущная необходимость приведения его в стройную систему, устранение противоречий путем внесения изменений и дополнений.

Вместе с тем, анализ законодательной деятельности свидетельствует о попытках установления новых уголовно-правовых запретов, не учитывающих регулятивные и охранительные возможности других отраслей права. Для иллюстрации сказанного, видимо, следует привести примеры законодательных попыток преодоления подлинных и мнимых, на наш взгляд, пробелов в уголовном законодательстве.

В частности, согласно п. 29 протокола №54 от 28 ноября 2000 г. на рассмотрение заседания Совета Государственной Думы Российской Федерации группой депутатов Государственной Думы было внесено предложение о введении новой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 136¹), предусматривающей ответственность за незаконное приобретение лицом гражданства другого государства.

Ознакомление с предлагаемым законопроектом и пояснительной запиской, представленных на рассмотрение в Государственную Думу РФ, дает основание полагать, что поставленная проблема действительно представлялась актуальной. С изменением социально-политической и экономической ситуации в стране и в мире, ростом международных связей, значительным упрощением процедуры пересечения государственной границы, увеличивается число лиц, приобретающих второе гражданство, оставаясь при этом гражданами России.

Как показывает практика, принятие со стороны отдельных граждан решения о получении двойного гражданства, как правило, обуславливается целым рядом причин, в их числе экономические, политические, нежелание служить в Армии и пр. Такие случаи, зачастую, идут вразрез с международными соглашениями и действующим законодательством Российской Федерации. В связи указанным, безусловно, необходимо законодательное урегулирование данной ситуации и, по мнению инициаторов законопроекта – уголовно-правовыми средствами.

Вместе с тем, возможности уголовного законодательства, в определенном смысле, имеют весьма низкий «коэффициент полезного действия». В этой связи, далеко не все социальные отношения можно с успехом регу-

ливать этими, весьма специфическими, средствами. Как показывает правоприменительная практика, в отдельных случаях криминализация тех или иных деяний может иметь обратный эффект, совсем не тот, на который делается первоначальный расчет. Если все же предположить успешное прохождение данного законопроекта в Государственной Думе, то, по всей видимости, наличие в действующем уголовном законодательстве указанной нормы поставит многих граждан перед выбором, гражданином какого государства им являться. Оставаться гражданином России или принять гражданство иного государства. Очевидно, выбор будет сделан в пользу такого государства, которое максимально будет гарантировать соблюдение общечеловеческих прав и свобод, в том числе, – свободы передвижения, свободы выбора места жительства и т.д.

В связи с указанным, принятие данной нормы, очевидно, с одной стороны, даст импульс к увеличению оттока за рубеж граждан России, с другой, – не даст того позитивного эффекта, на который рассчитывает группа депутатов. На наш взгляд, данная норма не окажет и предупредительного эффекта для случаев «приобретения гражданами России за границей недвижимости, открытия вкладов в иностранных банках или сокрытия от российского правосудия».

В то же время, урегулирование отмеченной ситуации видится нами через заключение международных соглашений, предусматривающих, например, предоставление гражданства иностранным государством только после отказа этими гражданами от прежнего Российского гражданства.

В связи с указанным, введение соответствующей нормы в УК, на наш взгляд, нецелесообразно.

Или другой пример.

Согласно п.23 протокола №200 заседания Совета Государственной Думы Российской Федерации от 6 апреля 1999 г., депутатами В.И.Илюхиным и В.Д.Филимоновым было внесено предложение о дополнении УК РФ статьей 188¹, которая бы предусматривала ответственность за невозвращение валютных ценностей, незаконно перемещенных через таможенную границу Российской Федерации.

Вопрос, поднятый депутатами, действительно актуален, вместе с тем, предлагаемый для принятия проект уголовно-правовой нормы, по нашему глубокому убеждению, не может дать позитивного эффекта, на который рассчитывают инициаторы предложения. Соответствующая дефиниция повторяет в совокупном варианте уже существующие в УК уголовно-правовые нормы. Это ст. 188 УК РФ (Контрабанда) и ст. 193 УК РФ (Невозвращение средств в иностранной валюте). И даже, несмотря на то, что ст. 193 УК РФ ориентирована

на специального субъекта (руководителей предприятий и организаций), а предлагаемая новела – на общий субъект и, тем не менее, данная норма не вписывается в ныне действующую систему уголовно-правовых отношений. *Во-первых*, при незаконном вывозе валюты за рубеж, даже если виновный при пересечении границы не будет задержан с поличным, репрессивное действие ст. 188 УК РФ сохраняется, так как угроза наказания остается еще на длительный период, вплоть до истечения сроков давности (от 6 до 15 лет в зависимости от признаков преступления, предусмотренных той или иной частью ст. 188 УК РФ). В связи с указанным, нет никаких препятствий для уголовного преследования лиц, виновных в незаконном вывозе валюты за рубеж, с одновременным возмещением ущерба. *Во-вторых*, ныне действующая норма, предусматривающая ответственность за невозвращение валютных средств из-за границы (ст. 193 УК РФ) имеет весьма низкий коэффициент полезного действия и принятие иной несколько модернизированной дефиниции заведомо предполагает ее неэффективность.

Кроме того, предлагаемый проект вызывает возражение и в связи с тем, что конструкция статьи не учитывает предупредительную функцию, потенциально предполагаемую как обязательную, в механизме воздействия уголовно-правовой нормы. В данном случае, если гипотетически предположить, что виновный, добровольно или под воздействием неопровержимых доказательств, признается в совершении преступления в виде невозвращения незаконно вывезенных валютных средств, тем самым, одновременно, делает признание о совершении производного преступления, т.е. деяния, предусмотренного ст. 188 УК РФ (Контрабанда). Без доказательств по признакам деяния, присущих первичному преступлению, доказать факт невозвращения вообще становится невозможно. Далее, логика правоприменителя наталкивается на два аспекта квалификации: первый, следует ли в таком случае субъекта преступления (ст. 188¹ УК РФ) привлекать по совокупности статей, так как в деянии усматривается еще и признаки ст. 188 УК РФ? Однако в таком случае мы нарушаем основополагающий принцип уголовного закона – соразмерности преступления и наказания; второй аспект вытекает из вопроса о том, с какой целью следует квалифицировать деяние не по ст. 188, а по признакам ст. 188¹ УК РФ, если санкции обеих дефиниций практически идентичны?

Кроме отмеченного, совершенно непонятны аргументы инициаторов проекта, приведенные в пояснительной записке (абзац 4), в части того, что предлагаемая к принятию уголовно-правовая норма якобы предусматривает фактическую амнистию лицам, совершившим данное деяние. Соответствующие юридические ком-

промиссы, как нам представляется, возможны, если они прямо предусмотрены в тексте уголовно-правовой нормы.

Основываясь на вышеизложенном, представляется, что предложение о включении в УК РФ ст. 188¹ нецелесообразно.

К сожалению, указанные примеры являются типичным стремлением разработчиков соответствующих законопроектов преодолеть мнимые пробелы в уголовном законодательстве. Такого рода примеры свидетельствуют о:

а) попытках заполнить пробелы в уголовно-правовой охране соответствующих интересов и общественных отношений;

б) преувеличенной надежде на уголовный закон как на средство эффективного регулирования;

в) игнорирование регулятивной возможности других отраслей права.

Соответственно, эффективность норм уголовного закона во многом зависит от предварительной правовой экспертизы законопроектов и последствий их принятия. Для этого необходимо законодательно закрепить институт правовой экспертизы законов в качестве обязательного элемента законотворческого процесса. При совершенствовании Регламента Государственной Думы необходимо определить статус правовой экспертизы, порядок учета ее результатов. В свою очередь, Министерству юстиции РФ совместно с Правовым управлением аппарата Государственной Думы необходимо разработать методические рекомендации по проведению правовой экспертизы проектов федеральных конституционных

законов, федеральных законов, подзаконных актов Президента, Правительства, министерств, ведомств и т.п., а также нормативных актов субъектов РФ¹¹.

Необходимо и совершенствование практики планирования и прогнозирования законодательства, в этом плане можно приветствовать создание комиссии по согласованию различных законодательных инициатив. Важно перспективное планирование законодательной деятельности на длительный срок; создание механизма реализации закона, в том числе его защиты, разработка экономических, организационных и правовых аспектов реализации закона.

Нестабильность уголовного законодательства негативно влияет на развитие экономической, политической, социальной, духовной и других сфер жизни российского общества, состояние законности и правопорядка. Поэтому научная разработка проблем, способствующих повышению устойчивости законодательного акта, должна стать одной из первостепенных задач правовой науки, а научно обоснованная концепция стабильности закона – необходимым элементом правовой реформы¹².

Подводя итоги сказанному, отметим, что в настоящее время усилия органов власти по преодолению такого опасного социального феномена как преступность может иметь успех только тогда, когда все базовые уголовно-правовые предписания соответствуют этическим принципам и написаны не для сиюминутной выгоды, не для достижения личных интересов чиновников и даже не для сегодняшних требований народа, а в интересах будущего общества и требований социальной эволюции.

Библиография

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом обществе. – М., 1966. С. 34.
2. Аликперов Х.Д. Проблемы дальнейшего совершенствования уголовно-правовых норм, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. – Баку, 1992. С. 60.
3. Гришанин П.Ф. Механизм уголовно-правовой борьбы с преступностью // Труды Академии МВД РФ, 1997.
4. Злобин Г.А. О методологии изучения эффективности уголовного наказания в советском уголовном праве и криминологии//Вопросы предупреждения преступности. Вып. 1. – М., 1961. С. 64.
5. Казимирчук В.П., Поленина С.В. и др. Концепция стабильности закона. – М.: Проспект, 2000. – 175с.

¹¹ Кандалов П.М., Солонин А.Ю. О целесообразности института правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов// Вестник РГАЗУ. 2009. Выпуск 3: Электронное научное издание. -М.: ФГОУ ВПО РГАЗУ, 2009.

¹² Казимирчук В.П., Поленина С.В. и др. Концепция стабильности закона. – М.: Проспект, 2000. – 175с.

6. Кандалов П.М., Солонин А.Ю. О целесообразности института правовой экспертизы проектов нормативных правовых актов // Вестник РГАЗУ. 2009. Выпуск 3: Электронное научное издание.-М.: ФГОУ ВПО РГАЗУ, 2009.
7. Максимов С.В. Эффективность общего предупреждения преступлений. – М.: Академия МВД РФ, 1992. – 132с.
8. Подтурецкий А. Очерк социологии права. – М., 1974. С. 318-319.
9. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. – Л., 1973. С. 69.
10. Яковлев А. М. Взаимодействие личности и общества в системе социального контроля//Социальная психология личности. – М., 1979. С. 164.

References (transliteration)

1. Alekseev S.S. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialno-sticheskom obshchestve. – М., 1966. S. 34.
2. Alikperov X.D. Problemy dal'neyshego sovershenstvovaniya ugovolno-pravovykh norm, dopuskayushchikh kompromiss v bor'be s prestupnost'yu. – Baku, 1992. S. 60.
3. Grishanin P.F. Mekhanizm ugovolno-pravovoy bor'by s prestupnost'yu // Trudy Akademii MVD RF, 1997.
4. Zlobin G.A. O metodologii izucheniya effektivnosti ugovolnogo na-kazaniya v sovetskom ugovolnom prave i kriminologii//Voprosy preduprezhdeniya prestupnosti. Vyp. 1. – М., 1961. S. 64.
5. Kazimirchuk V.P., Polenina S.V. i dr. Kontsepsiya stabil'nosti zakona. – М.: Prospekt, 2000. – 175s.
6. Kandalov P.M., Solonin A.Yu. O tselesoobraznosti instituta pravovoy ekspertizy projektov normativnykh pravovykh aktov // Vestnik RGAZU. 2009. Vypusk 3: Elektronnoe nauchnoe izdanie.-М.: FGOU VPO RGAZU, 2009.
7. Maksimov S.V. Effektivnost' obshchego preduprezhdeniya prestupleniy. – М.: Akademiya MVD RF, 1992. – 132s.
8. Podturetskiy A. Oчерk sotsiologii prava. – М., 1974. S. 318-319.
9. Shargorodskiy M.D. Nakazanie, ego tseli i effektivnost'. – Л., 1973. S. 69.
10. Yakovlev A. M. Vzaimodeystvie lichnosti i obshchestva v sisteme so-tsial'nogo kontrolya//Sotsial'naya psikhologiya lichnosti. – М., 1979. S. 164.